

Говард Филлипс Лавкрафт Уинифред В. Джексон

Зелёный луг

(The Green Meadow)

Перевод Элизабет Невилл Беркли и Льюиса Теобальда-младшего

Предисловие

Приведенное ниже весьма странное повествование, или, скорее, письменный отчет о впечатлениях, было обнаружено при исключительных обстоятельствах, заслуживающих подробного описания. В среду 27 августа 1913 года, около половины девятого вечера, жители маленькой приморской деревушки Потоуонкет, штат Мэн, США, были повергнуты в смятение оглушительным грохотом, сопровождавшимся ослепительной вспышкой, и люди на берегу увидели громадный огненный шар, который рухнул с небес в море недалеко от суши, взметнув ввысь гигантский столб воды. В следующее воскресенье трое местных рыбаков — Джон Ричмонд, Питер Б. Карт и Саймон Кэнфилд — подцепили донным неводом и вытащили на берег каменно-металлическую глыбу весом 360 фунтов, похожую (по словам мистера Кэнфилда) на кусок железистого шлака. Почти все деревенские жители сошлись во мнении, что сие тяжелое твердое тело и есть болид, упавший с неба четырьмя днями ранее, а доктор Ричмонд М. Джонс, местное научное светило, с уверенностью предположил в нем аэролит или метеорит. Откалывая от него образцы породы с целью отослать оные для исследования многосведущему бостонскому специалисту, доктор Джонс обнаружил вплавленную в полуметаллическую субстанцию диковинную книжицу с нижеприведенным рукописным текстом — она до сей поры остается в его владении.

На вид находка напоминает обычную записную книжку размером три на пять дюймов, состоящую из тридцати страниц. Но вот материал, из которого она изготовлена, представляет чрезвычайный интерес. Обложка произведена из темного плотного вещества, неизвестного геологам и устойчивого к любым механическим и химическим воздействиям. Страницы обладают аналогичными свойствами, но они несколько светлее и чрезвычайно тонки, благодаря чему легко сгибаются. Книжка сброшюрована и переплетена с использованием некоего технологического процесса, не вполне понятного людям, ее исследовавшим, — процесса, в ходе которого материал страниц сплавлялся с материалом обложки. Теперь страницы неотделимы от корешка, и их невозможно вырвать никаким усилием. Текст написан на безупречном древнегреческом языке, и несколько ученых-палеографов утверждают, что данная разновидность скорописи имела распространение примерно во втором веке до Р. Х. Никаких указаний на дату написания в тексте не содержится. Насчет техники письма нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что она, видимо, напоминала современную технику письма карандашом на грифельной дощечке. В результате ряда химических экспертиз, проведенных покойным профессором Чэмберсом из Гарвардского университета, текст на нескольких страницах, преимущественно в конце

повествования, вытравился еще до его прочтения и посему безвозвратно утрачен. Уцелевшая часть рукописи была переведена на современный греческий палеографом Резерфордом и в таком виде передана поименованным выше переводчикам.

Профессор Мэйфилд из Массачусетского технологического института, исследовавший образцы странной породы, с уверенностью признал в камне метеорит, с каковым мнением не согласен доктор фон Винтерфельд из Гейдельбергского университета (в 1918 году интернированный как опасный гражданин неприятельского государства). Профессор Брэдли из Колумбийского университета занимает не столь категоричную позицию, указывая на наличие в каменно-металлической породе огромного количества неизвестных науке элементов и предупреждая, что точно классифицировать камень в настоящее время не представляется возможным.

Обстоятельства обнаружения, природа и содержание загадочной книжицы представляют собой величайшую проблему, не поддающуюся никаким объяснениям. Сохранившийся текст представлен здесь в переводе настолько близком к оригиналу, насколько позволяет современный английский язык. Хочется надеяться, что какой-нибудь читатель в конце концов найдет ключ к верному толкованию текста и разгадает величайшую научную тайну последних лет.

(ТЕКСТ)

Я стоял один на узкой полосе берега. Передо мной, за краем изумрудно-зеленого травяного ковра, слегка волнуемого ветром, расстилалось море — ярко-голубое море, лениво катящее крупную зыбь и источающее туманные испарения дурманящего свойства. Столь густыми были эти испарения, что море казалось полностью слившимся с небом, ибо последнее тоже было ярко-голубым. Позади меня вздымалась стена древнего, как само море, леса, который простирался без конца и края в глубь суши. Под сенью бесчисленных гротескно огромных, буйно разросшихся деревьев царил глубокий сумрак. Исполинские стволы зловещего зеленого цвета причудливо гармонировали с изумрудной зеленью травяного покрова под моими ногами. Чуть поодаль с одной и другой стороны от меня таинственный лес спускался к самой воде, заслоняя от взора береговую линию и наглухо огораживая крохотный участок берега. Несколько деревьев, я заметил, стояли уже в воде, словно исполненные мрачной решимости преодолеть любое препятствие на пути наступающего леса.

Я не видел вокруг ни единого живого существа и никаких признаков присутствия здесь других живых существ помимо меня. Море, небо и лес окружали меня со всех сторон, простираясь в бесконечные дали, недоступные моему воображению. Мертвую тишину нарушали лишь шорох колеблемых ветром деревьев да тихий плеск волн.

Внезапно меня начала бить дрожь: хотя я не ведал, каким образом очутился здесь, и не помнил толком ни имени своего, ни звания, я вдруг ясно осознал, что непременно сойду с ума, если сумею понять, какая опасность подстерегает меня. Я вспомнил, чему учился, о чем мечтал, к чему стремился в иной жизни, оставшейся в прошлом. Я подумал о долгих ночах, когда я зачарованно смотрел на звезды в поднебесье и проклинал богов за то, что моя свободная душа не в силах преодолеть космические бездны, недостижимые для моего физического тела. Я вспомнил отправления древних святотатственных обрядов и погружения в ужасные тайны демокритовских папирусов, но с возвращением памяти я затрясся от страха еще сильнее, ибо осознал, что я здесь один, совсем один. Но несмотря на полное одиночество, я все же явственно ощущал пронизывающие воздух разумные вибрации, самая мысль о природе и источнике которых приводила меня в содрогание. В шелесте зеленых ветвей мне слышались люта я ненависть и дьявольское торжество. Порой мне казалось, будто они ведут зловещую беседу с невероятными призрачными существами, наполовину сокрытыми за чешуйчатыми зелеными стволами деревьев — сокрытыми от внешнего взора, но не от внутреннего. Тяжелее всего меня угнетало жуткое чувство своей чуждости окружению. Хотя я видел вокруг знакомые объекты с известными мне названиями — деревья, траву, море и небо, — я нутром чуял, что они состоят со мной в иных отношениях, нежели деревья, трава, море и небо, которые я знал в другой, полузабытой жизни. Я не мог определить, в чем именно заключалась разница, но при одной мысли о ней я содрогнулся от ужаса.

А в следующий миг там, где прежде я не видел ничего, кроме туманного моря, моему взору вдруг явился Зеленый луг, отделенный от меня широким пространством подернутой зыбью сверкающей голубой воды, но одновременно на удивление близкий. Я то и дело пугливо оглядывался через правое плечо на лес, но предпочитал все же смотреть на Зеленый луг, чей вид вызывал в моей душе странное волнение.

Именно в момент, когда я пристально вглядывался в сей одинокий островок зелени, я вдруг почувствовал движение земли под ногами. Сначала по ней пробежала своего рода нервная дрожь, наводившая на жуткое предположение об осознанном действии, а затем крохотный пяточок земли, где я стоял, отделился от травянистого берега и медленно поплыл прочь, словно несомый мощным течением. Я оцепенел, донельзя изумленный и испуганный небывалым явлением, и стоял совершенно неподвижно, покуда между мной и покрытым деревьями берегом не пролегла широкая полоса воды. Потом я сел, все еще в оглушенном состоянии, и снова устремил взгляд на подернутую зыбью сверкающую воду и Зеленый луг.

Позади меня деревья и существа, предположительно прятавшиеся за ними, источали бесконечную угрозу. Мне не было необходимости оборачиваться и смотреть на них, чтобы понять это, поскольку чем больше я привыкал к новому окружению, тем меньше зависел от пяти чувств восприятия, на которые только и полагался прежде. Я знал, что зеленый чешуйчатый лес ненавидит меня, однако теперь он не представлял для меня опасности, ибо мой крохотный островок уже отплыл далеко от берега.

Но хотя одна опасность миновала, другая уже надвигалась на меня. От краев моего плавучего островка беспрестанно отваливались крупные комья земли, а значит, мне в любом случае не избежать скорой гибели. Однако я как будто был уверен, что отныне для меня не существует смерти, ибо вновь вернулся к созерцанию Зеленого луга, дышавшего безмятежным покоем, который странно контрастировал с ужасом, владевшим мной.

Именно тогда из неоглядной дали до слуха моего донесся шум падающей воды. Не гул обычного водопада, но чудовищный грохот, какой раздался бы в далеких скифских краях, если бы все Средиземное море разом низверглось в некую бездонную пропасть. Мой неуклонно сокращающийся в размерах островок плыл в направлении шума, и я примирился с неизбежным.

Далеко позади меня творились уму непостижимые ужасы, при виде которых я затрепетал от страха, когда обернулся. Сотканые из тумана темные существа самым фантастическим образом парили в воздухе, угрожающе зависали над деревьями, словно принимая вызов раскачивающихся зеленых ветвей. Потом с моря поднялся туман, поглотивший и растворивший в себе парообразных небесных существ, и берег скрылся от моего взора. Хотя солнце — незнакомое мне солнце — ярко освещало воду вокруг меня, над покинутой мной сушей, казалось, разразилась неистовая буря, когда чудовищные деревья и сокрытые за ними демонические создания вступили в яростное противоборство с духами неба и моря. А когда туман рассеялся, я увидел лишь голубое небо и голубое море, ибо земля и деревья бесследно исчезли.

И тут внимание мое привлекло пение на Зеленом лугу. До сего момента я не замечал ни единого признака человеческого присутствия, но сейчас моего слуха достиг монотонный напев, происхождение и природа коего не вызывали сомнений. Хотя слова звучали неразборчиво, напев пробудил в моем уме особую цепочку ассоциаций и заставил вспомнить некогда переведенный мной отрывок из одной египетской книги, в свою очередь взятый из древнего мероитского[1] папируса. Перед моим мысленным взором всплыли вызывающие смутную тревогу строки, которые я не смею повторить здесь, — строки, повествующие о явлениях и жизненных формах, что существовали в незапамятные времена, когда Земля была еще совсем молодой. О наделенных жизнью, способных мыслить и двигаться созданиях, которых, однако, боги и люди не признают живыми. То была поистине странная книга.

Внимая напеву, я постепенно осознал одно обстоятельство, доселе вызывавшее у меня лишь подсознательное недоумение. За все время взор мой ни разу не различил ни единого отдельного объекта на Зеленом лугу — в целом он производил впечатление однородного ярко-зеленого массива. Сейчас, однако, я увидел, что течение пронесет мой островок в непосредственной близости от берега, а значит, я получу возможность получше разглядеть сей загадочный участок суши и узнать, кто же там поет. Я был охвачен нетерпеливым желанием поскорее увидеть таинственных певцов, хотя к любопытству примешивалось и опасение.

Куски земли продолжали отваливаться от моего крохотного плавучего островка, но разрушительный процесс не беспокоил меня, ибо я знал, что не умру со смертью нынешнего своего тела, реального или воображаемого.

Я почти не сомневался, что все в окружающем мире, даже жизнь и смерть, иллюзорно; что я превзошел тварность и смертность человеческой природы и стал свободным созданием, не связанным никакими узами. Я понятия не имел, где нахожусь, знал лишь, что не на планете Земля, некогда столь хорошо мне знакомой. Помимо своего рода навязчивого ужаса я испытывал чувства, какие владеют человеком, только что пустившимся в бесконечное путешествие по неизведанным местам. Я подумал о покинутых мною краях и людях, а также о диковинных способах, которыми я мог бы поведать им о своих приключениях, даже если никогда не вернусь обратно.

Теперь я находился в непосредственной близости от Зеленого луга и слышал поющие голоса совершенно отчетливо; однако, несмотря на свое знание многих языков, я не понимал слов песни. Да, звучали слова знакомо, как мне и показалось с самого начала, но они не вызывали у меня никаких ассоциаций, помимо смутных тревожных воспоминаний. В высшей степени необычное звучание голосов — звучание, не поддающееся словесному описанию, — одновременно пугало и завораживало меня. Теперь я различал на обширном зеленом пространстве отдельные объекты — покрытые ярко-зеленым мхом валуны, довольно высокие кусты и изрядных размеров диковинные жизнеформы, что странным образом двигались или вибрировали среди кустарника. Пение, исполнителей которого мне не терпелось увидеть, казалось, звучало громче там, где странные жизнеформы образовывали самые многочисленные группы и двигались наиболее энергично.

А потом, когда мой островок подплыл ближе и шум отдаленного водопада стал громче, я вдруг ясно увидел источник пения и в одно ужасное мгновение вспомнил все. О подобных вещах я не могу, не смею рассказывать, ибо там мне открылся страшный ответ на все мучавшие меня вопросы, и ответ этот свел бы вас с ума, как едва не свел меня... Теперь я понял, какого рода метаморфоза произошла со мной, а равно со многими другими, что прежде были людьми! Я прозрел бесконечный цикл будущего, из которого никогда не вырваться мне подобным... Я буду жить вечно, буду мыслить и чувствовать вечно, хотя душа моя отчаянно взывает к богам о смерти и забвении... Я знаю все: за ревушим бурным потоком простирается страна Стетелос, где молодые люди бесконечно стары... Зеленый луг... Я перешлю восточку через ужасную бескрайнюю бездну...

[Далее неразборчиво.]

Перевод: Мария Куренная

2004год